

УДК 314:930

ИВАНГОРОД, ЯМ И КОПОРЬЕ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ (ЛЕТО 1610 – ВЕСНА 1612 гг.)¹

© Яков Николаевич РАБИНОВИЧ

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация, кандидат исторических наук,
документовед кафедры истории России, e-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье говорится о событиях, происходивших в городах Ивангороде, Яме и Копорье на протяжении около двух лет, начиная с лета 1610 г., когда шведы превратились из союзников Московского правительства в его врагов и приступили к захвату Новгородской земли. В дальнейшем шведы вместе с союзниками-новгородцами, которые присягнули шведскому королевичу, захватили Ивангород, Ям и Копорье. Эти города вместе с Псковом ранее (в 1611 г.) признали власть самозванца Лжедмитрия III. Данные события произошли уже в 1612 г.

Ключевые слова: малые города; Делагарди; Новгородская земля; Ляпунов; союзный договор; шведский королевич; Пожарский.

В конце февраля 1609 г. представители царя Василия Шуйского для борьбы с Лжедмитрием II заключили в Выборге союзный договор со Швецией. Король Карл IX обязывался прислать на помощь Шуйскому две тысячи конницы и три тысячи пехоты. В течение 1609 – начала 1610 г. союзному войску М.В. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди удалось освободить северные и замосковные города от тушинцев. В марте 1610 г. войска союзников торжественно вошли в Москву. К этому времени польский король Сигизмунд III начал открытую интервенцию против России и осадил в сентябре 1609 г. Смоленск. Ближайшей задачей для Скопина-Шуйского и шведских наемников становится деблокада Смоленска (в те годы Польша и Швеция были злейшими врагами). Но через месяц, в апреле 1610 г., Скопин-Шуйский умирает, его место главнокомандующего занимает брат царя бездарный военачальник Дмитрий Шуйский.

Поход к Смоленску закончился катастрофой для русской армии. Польский гетман Жолкевский при Клушино 24 июня 1610 г. разбил объединенные войска Дмитрия Шуйского и Я. Делагарди [1]. О Клушинской битве сохранился ряд польских источников: С. Жолкевский (1871), Н. Мархоцкий (2000), «Дневник Й. Будилы» (1872) и др. Ценные сведения о битве содержатся также в сочинении английского наемника Генри Бреретона

(2002), шведского дипломата П. Петрея (1867) и др. В скобках приведены даты издания книг на русском языке.

После Клушинской битвы Я. Делагарди дал слово гетману Жолкевскому разорвать союз с царем Василием и отступил к Новгороду (июль 1610 г.).

17 июля 1610 г. Василий Шуйский был низложен, и московские бояре повели переговоры с польским королем Сигизмундом III об избрании русским царем его сына Владислава. Шведские командиры в России во главе с Я. Делагарди решили не подчиняться новой московской власти в лице Семибоярщины и королевича Владислава (с сентября 1611 г. эту власть в Москве представлял командующий оккупационными войсками Гонсевский).

С этого времени (лето 1610 г.) шведы превращаются из союзников Московского государства в его врагов. Все их дальнейшие действия следует расценивать как начало шведской интервенции на северо-западе Русского государства. Я. Делагарди действовал в соответствии с инструкциями Карла IX. Король еще 30 июня 1609 г. дал прямые указания Делагарди занять крепости на Северо-Западе России. Г.В. Форстен привел выдержку из письма шведского короля: «...как скоро он (Делагарди) заметит, что русские замедляют выполнением договора и не выдадут шведам Кексгольма, или что поляки одерживают верх в войне с русскими, то ему нужно всего ревностнее стараться об удержании

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.B37.21.0457.

Новгорода в своей власти – приятно ли то русским, или нет» [2, с. 83].

В других королевских инструкциях прямо говорится о необходимости захвата русских городов, в т. ч. Ивангорода, Яма и Копорья. В королевской инструкции от 30 октября 1610 г. русским послам Смирному Отрепьеву с товарищами, которые в это время возвращались из Швеции, предписывалось сообщить новому царю, чтобы он искал дружбы шведского короля и уступил Швеции не только Кексгольм, но и Гдов, Ивангород, Копорье, Ям, Нотебург и Колу [3, с. 38]. Когда король составлял эту инструкцию, он знал только о свержении Василия Шуйского, а об избрании царем польского королевича Владислава еще не было известно.

Города Ижорской земли, как и другие малые города, упоминались в другой инструкции Карла IX Я. Делагарди от 28 мая 1611 г. Король писал: *«Все наши усилия должны быть направлены единственно к тому, чтобы присоединить к шведской короне Ивангород, Нотебург, Ям, Копорье, Гдов и Колу»* [4, с. 348].

Предписание Карла IX в дальнейшем было приведено в исполнение Я. Делагарди, который в течение 1610–1612 гг. оккупировал не только Новгород, но и ряд русских городов: Ям, Копорье, Ивангород, Гдов, Порхов, Орешек, Старую Ладугу, Тихвин, Старую Русу. Это наступление шведов можно условно разделить на три этапа.

На первом этапе (лето 1610 – лето 1611 г.) после полугодовой осады в марте 1611 г. была захвачена крепость Корела. Однако шведы не смогли удержать в своих руках Ладугу, которую в августе 1610 г. по приказу Я. Делагарди захватил отряд французских наемников на шведской службе под командованием Пьера Делавила. После ожесточенной борьбы новгородцы в начале февраля 1611 г. освободили Ладугу, а французы Пьера Делавила вынуждены были капитулировать. В это же время другие шведские отряды предприняли наступление в северной Карелии и Лапландии. Эти походы закончились неудачей, так же как и предыдущие попытки шведских военачальников захватить осенью 1610 г. Ивангород и Ям.

На втором этапе (лето 1611 – весна 1612 г.) после захвата Новгорода (16 июля 1611 г.) шведы установили контроль над

Тихвином, Ладогой, Старой Русой и Порховом. Эти города сравнительно легко присоединились к шведско-новгородскому альянсу. В начале мая 1612 г. после длительной осады сдался Орешек. Во всех этих походах вместе со шведами приняли активное участие новгородцы. Сразу же после захвата Новгорода шведами между Делагарди и правителями Новгорода (митрополит Исидор и воевода И.Н. Одоевский) 25 июля 1611 г. было заключено соглашение. Новгородцы при этом действовали в соответствии с приговором Подмосковного ополчения от 23 июня 1611 г., они заявили себя представителями не только Новгорода, но и всей России. Не следует забывать, что у новгородцев уже имелся опыт совместных боевых действий со шведами против тушинцев в период похода Скопина-Шуйского к Москве. В соответствии с договором от 25 июля 1611 г. новгородцы признали покровительство Карла IX, вступили с ним в союз против Польши и гарантировали избрание на русский трон одного из его сыновей. До ратификации договора обеими сторонами (Швецией и Россией) Я. Делагарди оставался в Новгороде в качестве главного воеводы. Заключение договора, легально оформлявшего пребывание шведских войск в Новгородской области, было выгодно Швеции, которой неудачная война с Данией не позволяла усилить контингент своих войск в России [5, с. 294]. Как справедливо отмечала Е.И. Кобзарева, союз новгородских воевод со шведами против «воров», впервые заключенный в 1609 г. в Выборге, по существу восстановился [6, с. 166]. Используя заключенный договор от 25 июля, войска Делагарди при содействии отрядов новгородцев стали захватывать малые города Новгородской земли, *«приводить в повиновение непокорные крепости, чтобы подчинить их власти державного принца»* [7, с. 8].

Вместе с отрядами новгородцев шведы вели борьбу с Лжедмитрием III (Псковским вором Сидоркой) и предпринимали неудачную попытку захватить Псков.

На третьем этапе (июнь–декабрь 1612 г.) шведы и новгородцы в союзе с предводителями Нижегородского ополчения разгромили казаков Псковского вора Сидорки. Были захвачены города, поддерживавшие Лжедмитрия III: Ям, Копорье, Гдов. Последним пал Ивангород в декабре 1612 г. Эти города в

отличие от других, захваченных ранее, упорно сопротивлялись.

Новый летописец так подводит итог этого шведского наступления 1611–1612 гг.: *«Немецкие же люди, видя в Московском государстве такое нестроение, и послаша из Нова города Яков Понтусов под города. Немцы ж шед и взяша города: Иван город, Ям, Копорью, Ладогу, Тихвинский монастырь, Русу Старую, Порхов, Вдов, Орешек и во всех посадиша воевод немецких»* [1, гл. 282, с. 116].

Все эти события 1610–1612 гг., связанные с городами Ивангородом, Ямом и Копорьем, практически не получили освещения в отечественной историографии. Поэтому стоит остановиться на данном сюжете подробнее.

После совещания с командирами в районе Новгорода (июль 1610 г.) Я. Делагарди принял решение собрать новые войска в Финляндии и приступить к захвату Корелы, которую русские так и не отдали шведам, а также всего Корельского уезда. Одновременно шведские военачальники Пьер Делагиль и Герман Врангель должны были захватить Ладогу и Ивангород [8; 9, с. 288; 10; 11, с. 133, 135].

Жители Ивангорода и Яма летом 1610 г. продолжали подчиняться Тушинскому вору, как и псковичи. Что касается Копорья, то здесь не все ясно. По-видимому, в это время, узнав о свержении царя Василия (сведения об этом уже в первых числах августа проникли на север), гарнизон Копорья на некоторое время признал власть Семибоярщины, но вскоре Копорье присоединилось к Яму и Ивангороду. С осени 1610 г. все три города стали действовать сообща.

Одновременно с началом боевых действий летом 1610 г. в районе Ладоги и Корелы шведы в очередной раз попытались установить контроль над Ивангородом. Базой шведов в этом районе была Нарва. Общее руководство боевыми действиями шведов осуществляли Герман Врангель и Андерс Ларссон. Однако осада Ивангорода в августе 1610 г. завершилась неудачей. Шведам не помогли ни огневые ядра, ни петарды, ни обстрел с трех сторон картечью и ядрами, ни смоляные корзины. Видекинд писал, что *«упорство защитников побеждало все хитрости, а людские потери с обеих сторон были очень*

велики». Мятеж наемников под руководством француза Режи де Винье не позволил продолжать осаду крепости [11, с. 147–150].

Летом 1610 г. у шведов в этом районе неожиданно появился новый опасный противник, который оказал большое влияние на события под Ивангородом. Речь идет о тушинском военачальнике Александре Лисовском, который в июле–августе прибыл в район Пскова. Псковский летописец отмечал: *«Пришел Олисовской пан с литовскими людьми и с Черкасами, да воевода Андрей Просовецкий с казаками на Великие Луки и по челобитью Псковскому во Псков»*. Его разношерстная армия (до 3 тыс. казаков, поляков, русских и татар) расположилась на посаде (русские отряды) и в стрелецкой слободе (литва и черкасы) [12, с. 70]. Псковичи летом–осенью 1610 г. продолжали поддерживать Тушинского вора Лжедмитрия II, оставаясь противниками Новгорода, прежнего московского правительства Шуйского и нового пропольского правительства Семибоярщины.

В конце августа 1610 г. псковичи, опасаясь грабежей, отправили этого опасного союзника подальше от родного города для защиты от шведов своих пригородов – Яма и Ивангорода. Ранее летописец писал, что «на весну» пришли под Ивангород «12000 Немец», а в Ивангороде хлеба не было, *«людей гладных много, а ели кожи, и били челом Псковичам о помощи себе»* [13, с. 227].

Псковский летописец отмечал, что Лисовский привез в Ивангород обоз с хлебом, но жители по совету «дьяка начальника Афанасия Андроникова» не пустили его воинов внутрь крепости. По просьбе Лисовского ему разрешили осмотреть крепость «с немногими людьми». Он увидел мощные укрепления, крепость, стоящую на высокой горе, с тремя каменными стенами и большим количеством орудий [12, с. 71]. «Три стены» – это укрепления Замка, Большого Бояршего города и Переднего (Малого) города. Имя дьяка Афанасия Андроникова больше нигде не встречается. Известно, что помощником у псковского воеводы князя И.Ф. Хованского был дьяк Михаил Милославский.

После доставки в Ивангород обоза с продовольствием Лисовский двинулся в сторону Яма, осажденного к тому времени шведами. Там Лисовский вначале действовал

довольно успешно, даже пытался двумя приступами взять шведский лагерь возле Яма, причем значительная часть наемников перешла на его сторону. По словам Видекинда, *«более 2 тысяч иноземцев бежало к неприятелю, среди них больше всего ирландцев»*. Конрад Буссов приводил сведения о 500 англичанах и 300 ирландцах, перешедших на сторону Лисовского. Эти явно завышенные цифры все же ближе к истине [11, с. 147; 14, с. 160-161].

Прибытие свежих шведских сил под командованием Эверта Горна вынудило этого авантюриста отступить от Яма на юг, в сторону Гдова и Пскова. Видекинд писал: *«Лисовский только что был прогнан из Яма, теперь, по слухам, стал лагерем близ Гдова, но, из-за разногласий с горожанами, сжег дома и бежал неведомо куда»* [11, с. 150].

При отходе от Яма и Ивангорода на юг в сентябре 1610 г. в отряде Лисовского вспыхнуло недовольство его политикой со стороны другого казачьего атамана Андрея Просовецкого, также бывшего тушинца. По словам Конрада Буссова, *«оказав псковичам услугу»* под Ивангородом, Лисовский *«перешел на сторону польского короля и эту зиму провел в Воронечье»* [14, с. 161]. Казаки атамана Просовецкого и слышать не хотели о присяге новому московскому царю, польскому королевичу Владиславу, не желали вступать в союз с польским королем и литовским гетманом Ходкевичем. В это же время прибывший в Новгород И.М. Салтыков рассылал в разные города грозные грамоты, требуя присяги Владиславу. Что касается новых наемников, перешедших на сторону Лисовского под Ямом и Ивангородом, то им было все равно, кому служить, лишь бы им платили. Поэтому англичане и ирландцы, о которых сообщает Конрад Буссов, теперь стали служить польскому королю Сигизмунду, как и их командир Лисовский.

О разногласиях Лисовского с местными жителями Ивангорода и Гдова, а также внутри его войска между казаками атамана Андрея Просовецкого и новыми наемниками, сообщается во многих источниках [15; 16, с. 343].

Часть казаков ушла от Лисовского в Ям и Ивангород осенью 1610 г. Об активных действиях казаков из Копорья против шведов в конце 1610 г. сообщал Видекинд. В это

время шведские войска базировались в районе Невы, в Заневских и Поневских погостах, а также в Корельском уезде, осаждая крепость Корелу. Рейды казаков из Копорья на территорию, захваченную шведами, происходили в тот период, когда французы Пьера Делавиля захватив Ладогу, были блокированы со всех сторон новгородцами. Пьер Делаиль в своих «Записках» винит Делагарди в том, что шведы предали французский гарнизон в Ладоге, бросили его на произвол судьбы [17, с. 137]. Он полагал, что у шведских властей изменилось отношение к французским наемникам после мятежа отряда Режи де Верне под Ивангородом осенью 1610 г. [11, с. 147-149; 17, с. 138].

Фактически шведы не раз пытались оказать помощь защитникам Ладоги, но все эти попытки заканчивались неудачей. Часть сил из-под Корелы Делагарди отправил на помощь Пьеру Делавилю, осажденному в Ладоге новгородцами. Однако эта помощь так и не прибыла к Ладоге: отряд был разбит южнее Невы казаками из Копорья.

Видекинд, говоря, что Делаиль едва держался в Ладоге, отмечал, что *«со всех сторон из болот и лесов разбойники нападали на наших разведчиков, воры и грабители наносили нашим отрядам значительный урон»* [11, с. 151]. Эти «разбойники, воры и грабители» были жители Копорского и Орешковского уездов, воины из состава гарнизонов Копорья и Орешка. В то время Орешек и Новгород признавали власть польского ставленника боярина Ивана Михайловича Салтыкова, который, прибыв в Новгород, начал вести активную борьбу со шведами. Получается, что в конце 1610 г. сторонники самозванца в Копорье, а также в Яме и Ивангороде, как и сторонники польского королевича Владислава в Орешке и Новгороде, вели совместную борьбу против шведов.

В архиве Я. Делагарди в Тарту сохранилось письмо Якоба Делагарди защитникам Корелы от 17 ноября 1610 г., в котором шведский военачальник, пытаясь склонить корелян к капитуляции, отмечал, что *«из Ивангорода, Копорья, Яма и Гдова пишут наместникам Карла IX о своем желании жить в дружбе со Швецией»*. Данное письмо адресовано епископу Сильвестру и воеводе Григорию Чиркину (den Bischof Sulvester und den Wojewoden Grigori Syrkin in

Kexholm) [18, с. 11]. Я. Делагарди выдавал желаемое за действительное. Фактически жители данных городов, в конце 1610 г. по-прежнему признавая Лжедмитрия II, продолжали упорно сопротивляться шведам. Особенно активно действовали казаки из Копорья, уничтожив в конце 1610 г. один из шведских отрядов. Видекинд приводит некоторые подробности этих событий. Шведский отряд (200 человек) в декабре 1610 г. направлялся в Ладого, но попал в засаду. Какой-то крестьянин предвосхитил подвиг Ивана Сусанина: будучи проводником у шведов, он завел их отряд прямо в расположение казаков из Копорья. Шведы были «окружены 700 копорцами», разгромлены, а остатки отряда, «едва прорвавшись через засаду, воротились в Кексгольм». Видекинд говорил также об отряде Лоренца Вагнера, который вел подкрепления к Ладого, но не смог пробиться.

Якоб Делагарди вел оживленную переписку с воеводами Копорья, пытаясь склонить их к союзу со шведами. В архиве Делагарди в Тарту сохранились письма Якоба Делагарди к воеводам Копорья от 23 ноября, 6 и 10 декабря 1610 г., 21 и 27 февраля и 2 марта 1611 г. [18, с. 11-12]. Особый интерес представляет письмо от 6 декабря, содержание которого, как и ряда других писем Делагарди, приводит Видекинд. Это письмо Делагарди отправил защитникам Копорья от имени Лоренца Вагнера. Накануне этих событий в ходе неудачной попытки пробиться к Ладого Лоренц Вагнер в бою захватил в плен 17 копорских казаков. На допросе казаки из Копорья показали, что были отправлены «отражать нападение нотебуржцев и новгородцев, с которыми находились во враждебных отношениях». Далее указывалось, что жители Копорья стоят «вместе с ямцами и иванородцами на стороне Дмитрия» [11, с. 151].

Здесь говорится, с одной стороны, о том, что Копорье выступает в союзе с Ямом и Ивангородом, продолжая поддерживать Лжедмитрия II, хотя ранее (во всяком случае, до лета 1610 г.) подчинялось власти Василия Шуйского. Интересно отметить, что именно в эти дни в далекой от Копорья Калуге самозванец был убит. С другой стороны, мы видим, что воеводы Новгорода вместе с начальными людьми ближайшего к Копорью Орешка, выполняя указания боярина

И.М. Салтыкова, пытались подчинить Копорье власти польского королевича Владислава.

Длительный конфликт жителей Ивангорода и Яма с «нарвцами и ревельцами» периодически сменялся кратковременными перемириями. Пленные казаки из Копорья говорили, что в это время Ивангород и Нарва соблюдали мир и «просили позволения подерживать дружбу со шведами и жить с ними в мире, как с нарвцами и ревельцами».

Ведя переговоры с воеводами Копорья, Делагарди соглашался заключать с ними перемирие с условием, что «они начнут наступательную и оборонительную войну против общего врага – поляков с их сторонниками». В то время сторонником поляков выступал Новгород, в котором укрепился польский ставленник И.М. Салтыков.

Видекинд пишет о «колебании умов и неопределенности планов». Действительно, обстановка в стране, и в частности на Севере, в то время менялась очень быстро, трудно было выработать общую единую линию поведения, неясно было, кто союзник, а кто противник. Также Видекинд отмечает, что жители Копорья, «которые держались более или менее верно Дмитрия» (это еще одно свидетельство о переходе Копорья в лагерь сторонников Лжедмитрия II), «находились в нерешительности из-за разных и противоречивых слухов об избрании великим князем Московским принца Владислава: казалось небезопасным действовать в обиду будущему государю» [11, с. 151-152].

Первое письмо Я. Делагарди адресовано просто воеводам Копорья (возможно, что Делагарди не знал их имен), но адресаты последующих писем указаны точно. Письмо от 6 декабря адресовано уже воеводе Копорья Ивану Трусову. Письма от 21 и 27 февраля 1611 г. адресованы уже двум воеводам Копорья. Судя по этим письмам, в это время воеводами в Копорье были Иван Григорьевич Трусов и Андрей Тимофеевич Нагой (Nagoi).

В Актах Польского государства приводятся сведения о других воеводах Копорья в начале осени 1610 г. – князе Иване Михайловиче Кропоткине и Андрее Константиновиче Ногине. По-видимому, Иван Трусов сменил прежнего воеводу Копорья князя И.М. Кропоткина. Сведения об Иване Григорьевиче Трусове сохранились во многих источниках, а вот второй воевода А.Т. Нагой более не

упоминается. Его нет среди многочисленных представителей клана Нагих, да и вряд ли выходец из такого знатного рода был бы вторым воеводой, записанным в источниках после мелкого помещика Ивана Трусова. Возможно, здесь речь идет о псковском помещике Андрее Константиновиче Ногине, который находился в Копорье еще во времена Василия Шуйского.

Весной 1611 г. на Северо-Западе, как и во всей России, сложилось несколько «партий». Первая «партия» продолжала поддерживать королевича Владислава (после мартовского пожара в Москве число сторонников польского кандидата резко сократилось), вторая «партия» выступала за союз со шведами (пока еще у шведов было мало сторонников), третья – за Лжедмитрия (теперь его представлял появившийся в конце марта в Ивангороде очередной самозванец), четвертая ориентировалась на лидеров Подмосквовного ополчения. Некоторые города не определились и ждали дальнейшего развития событий. Ранее Ивангород, а вслед за ним Ям и Копорье действовали в соответствии с указаниями из Пскова, который с осени 1608 г. находился в состоянии конфронтации с Новгородом.

Но именно весной 1611 г. Псков, как и Новгород, где было свергнуто польское правительство И.М. Салтыкова, на короткое время присоединились к Подмосквовному ополчению и стали поддерживать Прокопия Ляпунова. Наступил хрупкий мир между Псковом и Новгородом, который продолжался несколько месяцев до захвата Новгорода шведами.

Следует также учесть, что у дворянского лидера Подмосквовного ополчения Прокопия Ляпунова было отрицательное отношение к новому самозванцу, появившемуся в Пскове. После гибели Ляпунова от рук казаков 22 июля 1611 г. отношение некоторых казачьих руководителей ополчения к этому Лжедмитрию III изменится. Именно в это время (март-июль) 1611 г., когда псковичи еще не определились, поддерживать ли им «чудесно спасшегося царя Дмитрия» или нет, Ивангород стал проводить совершенно самостоятельную политику, независимо от Пскова. Ивангородцы, в отличие от псковичей, сразу же признали царя Дмитрия. По-видимому, вслед за Ивангородом Лжедмитрия III

признали Ям и Копорье. Это произошло уже в апреле – мае 1611 г.

Новгородские власти с тревогой отнеслись к появлению в Ивангороде очередного Лжедмитрия. В Новгороде опасались, что шведы начнут поддерживать этого самозванца и переманят его на свою сторону. Взятых в плен казаками станицы Карпа Косолапа шотландца «Андруса Леска» и англичанина «Брюдика Давыда» на допросе в Новгороде спрашивали, нет ли какой переписки у шведского военачальника Я. Делагарди с жителями Ивангорода и этим Лжедмитрием [19].

Это опасение новгородцев явственно видно из сохранившегося проекта договора Новгорода с Делагарди. Скорее всего, проект был составлен в апреле-мае 1611 г. Согласно проекту этого весеннего договора новгородцев со шведами, Делагарди должен был выступить против Лжедмитрия и очистить от «воров» Ивангород, Ям, Копорье, Гдов. Но шведы должны были не захватывать эти освобожденные города, а вернуть их законному новгородскому правительству. В документе прямо сказано: *«Якову Пунтосовичу со всеми ратными людьми идти очищать Ям, Ивана города, Копорье, Гдова к Московскому государству, а к Свийскому не приворачивати и стояти в уездах, которые прямят Вору»* [8, с. 19-21; 20].

В награду за эту услугу новгородцы, смирившись с утратой Корелы, обещали передать шведам также три Заневских погоста (скорее всего, это Келтушский, Карбосельский и Куйвошский погосты). Упоминание в документе Яма и Копорья свидетельствовало о том, что эти города к тому времени признали власть Лжедмитрия III. В этом проекте ничего не говорится о походе шведов к Пскову, что может служить свидетельством о временном смягчении отношений между Новгородом и Псковом.

О появлении 23 марта 1611 г. («марта 23 в Великую субботу») очередного Лжедмитрия в Ивангороде хорошо известно. В письме Карла IX от 1 мая 1611 г. уточняется время прибытия самозванца в Ивангород: «вечером в первый день Пасхи». Источники называют Лжедмитрия III Сидоркой или Матюшкой. В грамоте князя Пожарского от 7 апреля 1612 г. он назван Сидоркой (сведения из далекого Ивангорода до Ярославля дошли менее чем за две недели!), а в повести «О смя-

тении и междоусобию» и во второй грамоте князя Пожарского от 26 июля 1612 г. – «дьяконом Матюшкой», «ведомым псковским вором раздьяконом Матюшкой», «ложным царем и вором Матюшкой» и т. д. Новый летописец называет этого самозванца одновременно двумя именами. В названии главы читаем: «О Сидорке, псковском воре», а в тексте этой главы он уже назван «дьякон из Москвы из-за Яузы Матюшка». Псковский летописец называет этого самозванца просто «вор из Новгорода», или «большой вор» [1, с. 115; 12, с. 68, 71; 13, с. 228; 21, с. 288; 22].

Самозванца вначале признали в Ивангороде служилые люди, в т. ч. казаки, которых ранее отправили псковичи для защиты Ивангорода от шведов. В апреле 1611 г. из Пскова были отправлены новые станицы казаков против Лисовского, грабившего южные районы Псковской земли, но эти казаки повернули на север и прибыли в Ивангород, что еще больше укрепило положение Матюшки («за своего приняв»). В Псковской летописи записано: *«Апреля в 15 день казаки Псковские поидоша на Олисовского, сказаши, а пошли на Ивангород к вору Князю»*. Также «стрелцы Псковстии к нему собирашася». Говоря, что к самозванцу начали собираться «такие же воры и убийцы», летописец упоминает о прибытии в Ивангород также казаков из Новгорода, которые «к нему придоша» [12, с. 71; 13, с. 228].

Фраза «к вору Князю» может означать, что здесь речь идет о самозванце и князе И.Ф. Хованском. По-видимому, с этого момента воевода князь И.Ф. Хованский вынужден был добровольно передать самозванцу власть в Ивангороде. При этом сам князь Хованский продолжал числиться воеводой города. Воевода Ивангорода князь И.Ф. Хованский, хорошо знавший первого самозванца, признав Лжедмитрия за государя, обеспечил ему поддержку.

В одном из своих обращений Сидорка указывал, что когда он прибыл в Ивангород, к нему стали стекаться из многих крепостей и городов дворяне, дети боярские, атаманы, казаки и всякие ратные люди. Далее Лжедмитрий писал, что шведский король Карл послал к нему своего секретаря Петра Петрея с товарищами, предлагая в помощь своего сына Густава Адольфа с войском, но он отказался принимать помощь от врагов-шведов.

В отличие от первых двух самозванцев, поддерживаемых чужеземцами (поляками), Лжедмитрий III борется с иностранными оккупантами, призывая всех объединиться вокруг него для защиты страны и православной веры от чужеземных захватчиков [3, с. 270].

Возможно, эти обращения самозванца с призывом сражаться против чужеземных захватчиков привлекли на его сторону многих новгородских помещиков Водской и Шелонской пятин. Воевода Орешка князь Михаил Мышецкий писал в Новгород боярину И.Н. Одоевскому (эту отписку привез 13 мая 1611 г. в Новгород своеземец Данило Ласунский), что Дмитрий Игнатьев Чортов и еще пять помещиков из Орешка поехали в свои деревни, *«и те дети боярские из Ёжурского погоста поехали к вору в Ёваньгород»* [23] (далее в круглых скобках указаны листы данного дела о спорном поместье Дмитрия Чортова. Этот документ ввел в научный оборот А.А. Селин, разбирая борьбу служилых людей за пустое поместье Дмитрия Чортова и любезно предоставив автору этих строк копии материалов данного дела [24]). Об этом воевода Орешка узнал от Микиты Супонева, который отказался уезжать в Ивангород и вернулся в Орешек. Учитывая время на дорогу из Ижорского погоста в Орешек и далее в Новгород, можно утверждать, что данный отъезд к самозванцу состоялся еще в апреле – начале мая 1611 г. Зедец Данила Ласунский, который привез эту отписку в Новгород, имел поместье в Копорском уезде во Вздылинском погосте (дер. Дорошково). В этом погосте, расположенном юго-восточнее Копорья, проживали также братья Данилы Ласунского и другие своеземцы [25]. Выходит, что своеземцы данного Вздылинского погоста служили на стороне Новгорода и воевали против Псковского вора, в отличие от Дмитрия Чортова.

Позже, уже в сентябре 1611 г. это поместье Дмитрия Чортова в Ижорском погосте деревню Слудицу просили передать им новгородские помещики Григорий Семенович Оболянинов (у него было «поместье подо Вдовом за воры»), Дмитрий Самсонов Пущин, Иван Александров Мунзорин, Тимофей Вельяшев, Афанасий Хвостов, Иван Суслов (все – помещики Водской пятин), присягнувшие к тому времени новому шведско-новгородскому правительству Делагарди-

Одоевского (л. 2-6). Иван Суслов указывал, что его поместьем в Копорском уезде уже четвертый год завладели «Иванегородские воры» (л. 7).

Судя по челобитной Ивана Суслова, сторонники самозванца в Ивангороде контролировали некоторые погосты Копорского уезда все время, начиная с 1608 г., даже когда крепость Копорье находилась в руках воевод Василия Шуйского. Об этом писал еще один челобитчик о поместье Дмитрия Чертова, Андрей Милославский, поместьем которого в Копорском уезде *«владеют иванегородские и ямгородские и копорские воры четвертой год»* (л. 8), а также Богдан Федоров Забелин и Тихон Дмитриев Мартыанов, чьи *«поместья были в Копорском уезде, владеют ныне воры четвертой год»*.

Крик Богданов Забелин добавлял, что Дмитрий Чортов *«ныне в ызмене, служит вору, а ныне ранен насмерть за вора»*. Федор Иванов Мунзорин и кн. Данила Степанов Елецкий тоже повторили, что *«Дмитрей, государи, в прошлом во 119 году из Орешка збежал к вору на Ивангород»* (л. 10-13).

Позже, уже в июле 1612 г., когда Дмитрий Чортов оказался в Новгороде, он просил вернуть утраченные поместья. При этом он так описывал свой отъезд в Ивангород: *«Был, государи, я на службе в Орешке, и из Орешка просился в деревнишка для хлеба, и о те поры, государи, ходила от вора с Ыванягорода повытка в Ыжерской погост, и меня взяли и привели к вору в Ывангород, и вор меня дал на поруки на крепкие, что мне в Новгород не отехати и после, государи, меня то мое поместьецо роздано в роздачу Ивану Мунзорину с сыном да Григорью Обольянинову»* (л. 29).

Чтобы разобраться в этом деле дьяки в Новгороде решили выслушать защитников Орешка, которые всего за два месяца до этого (в начале мая 1612 г.) сдались генералу Эверту Горну и присягнули шведскому королевичу. Среди этих «ореховских сидельцев» стоит упомянуть князя Ефима Федоровича Мышецкого, Шума Хомутова, Богдана Нащокина, помещиков Путиловых. Некоторые из них за прошедшие два месяца (конец мая – начало июля 1612 г.) приняли активное участие в борьбе с отрядами самозванца, участвовали во взятии Яма и Копорья. Они сообщили, что *«как приезжали с Ыванягоро-*

да Микита Зеновьев да Пятой Воронин с стрелцами и взяли Дмитрея Чортова и свели в Ывангород к вору» (л. 31).

Один из челобитчиков, Иван Мунзорин, сообщил, что Дмитрий Чортов с братом Иваном участвовали в походе самозванца к Пскову, там Иван был убит, а Дмитрий ранен. Дмитрий Чортов играл важную роль в окружении самозванца, который за верную службу пожаловал ему ряд поместий в Копорском уезде: *«...а у вора, государи, Дмитрей был временник и стольник, и вор, государи, ему Дмитрею и поместья дал из Копорских из дворцовых сел»* (л. 33).

В начале 1612 г. Дмитрий Чортов находился в Пскове вместе с самозванцем, входил в его свиту, а после свержения Псковского вора (об этом далее) боясь расплаты вынужден был бежать в Новгород и просить вернуть ему старое поместье: *«...и как, государи, во Пскове вора изымали, и ему Дмитрею детца было негде для того, что его Дмитрея, псковичи хотели изымав послати с вром вместе так же, как и иных воровских изменников. И прибежал, государи, в Новгород и бьет челом о старом своем поместье»* (л. 33).

Из этих расспросных речей мы узнаем о других главных приближенных Лжедмитрия III в Ивангороде, которые обеспечили ему поддержку в первое время, а также о важной роли стрельцов в этих событиях. Пятой Воронин, который к июлю 1612 г. тоже оказался в Новгороде (возможно, он возглавлял оборону крепости Копорье и незадолго до этого капитулировал перед войсками Эверта Горна), сообщил более подробные сведения о первом помощнике самозванца Сидорки в Ивангороде Никите Зиновьеве: *«...в прошлом во 119 году, тому ныне 3 год минул, присылал вор с Ыванягорода Микиту Зеновьева, а он Микита у него у вора дворянин ближней»* (л. 31).

Далее в расспросе Пятой Воронин указал, что в состав гарнизона Копорья весной 1611 г. входили конные стрельцы, которые совершили данный набег в Ижорский погост, взяв с собой из Копорья насильно Пятого Воронина: *«...да с ним Никитою его Пятого да пятидесят стрельцов с Копорья в Ыжерской погост, и взяли мы в Ыжерском погосте трех сынов боярских: Ивана Петрова сына да Дмитрея Игнатьева Чертовых да Фе-*

дора Ондреева сына Бровцына и свели к вору в Ывангород, а не сам Дмитрий к вору приехал» (л. 31).

Конечно же о самом себе Пятой Воронин также сказал, что его насильно заставили служить самозванцу. Из его слов мы узнаем, что он, Воронин, был в Копорье одним из начальных лиц крепости. Во время переворота в Копорье в апреле 1611 г., когда к власти пришли сторонники самозванца, Никита Зиновьев якобы заставил Пятого Воронина под угрозой присягнуть Лжедмитрию и взял с собой в набег на территорию Орешковского уезда: «...и ево де и Микита взял с собою с Копорья по воровскому наказу неволею» (л. 31).

Якоб Делагарди отрицательно отнесся к новому Лжедмитрию и отказался от ведения переговоров с этим авантюристом, несмотря на рекомендации короля (письмо Карла IX от 6 июля 1611 г.). Попытки шведского дипломата Петра Петрея, хорошо знавшего убитого Тушинского вора, добиться свидания с Лжедмитрием III в Ивангороде, успехом не увенчались. В своих последних инструкциях Петрею король рекомендовал ему использовать в качестве посредника при переговорах «стрелецкого начальника русских, прибывшего в Нарву», Федора Григорьевича Аминева, богато одарив его в случае успеха. Г.В. Форстен также писал о нескольких письмах короля к самозванцу с предложением союза против Польши. В награду за шведскую помощь и признание его русским царем Лжедмитрий должен был «привести в исполнение все обещания Василия Шуйского шведам» [4, с. 348-349; 9, с. 298-299].

Находясь в Ивангороде, Лжедмитрий сумел перетянуть на свою сторону не только Ям и Копорье, но и псковский пригород Гдов. Еще в апреле 1611 г. самозванец подтвердил привилегии Никольского Гдовского монастыря. Союз с влиятельным Никольским монастырем Лжедмитрий III представлял себе как средство укрепления своей власти и авторитета в Гдове [26].

По-видимому, еще в апреле псковичи отправили под Москву, руководителю ополчения Прокопию Ляпунову просьбу о помощи. Вероятно, такой шаг сделали «большие люди» в Пскове. Часть «меньших людей» потянулась к самозванцу в Ивангород. Не случайно именно в это время из Пскова при-

были в Ивангород казаки и некоторые стрельцы.

Псковичи писали руководителям ополчения, что «*Лисовской с немцами, а Хотков под Печерами стоит... а от Ивангорода Вор наряжается подо Псков на осад, многие напасти ото всюду сходятся, а помощи ниоткуда нет*». 4 июля 1611 г. псковские челобитчики вернулись из-под Москвы с грамотами от П. Ляпунова и И. Заруцкого [13, с. 228-229].

О формировании земского ополчения под Москвой псковичи могли узнать из разных источников, в т. ч. из новгородских грамот. Новгородцы, примкнувшие в марте 1611 г. к ополчению Ляпунова, отправили от себя в Псков, Ивангород, Ям, Копорье и другие города (перечислены 18 городов и добавлено: «в иные города») грамоты, в которых призывали жителей выступить против польских и литовских людей и прислать ратных людей на помощь Московскому государству [27, с. 314].

Причины присоединения четырех городов к самозванцу (Ивангорода, Яма, Копорья и Гдова) не ясны. Как отмечал Г.А. Замятин в своей рукописи о борьбе Пскова со шведами, характеризуя общую обстановку, сложившуюся на Северо-Западе весной 1611 г., (этот вариант рукописи не опубликован, хранится в НИОР РГБ), «...не следует все же забывать о борьбе за русские города со шведами, окончившейся под Ладогой успешно для русских, а под Корелой – в пользу шведов. Продвижение шведского войска к Новгороду также не составляло тайны. Известно было и о стоянии Ходкевича с войском под Печорами. По-видимому, с целью защиты от внешних врагов упомянутые города (Ям, Ивангород, Копорье, Гдов) объединились вокруг Лжедмитрия III. Надежды на помощь из-под Москвы перечисленные города, по-видимому, не питали. Как указывалось выше, псковские челобитчики вернулись из-под Москвы только 4 июля». Конечно, следовало бы ждать решения по этому вопросу руководителей ополчения, ведь еще в апреле псковичи направили Ляпунову своих представителей с просьбой о помощи, «но видимо дело обороты не терпело отлагательств» [28].

Таким образом, уже к июню 1611 г. Лжедмитрия III признали, кроме Ивангорода, также Ям, Копорье, Гдов.

Признание Лжедмитрия III четырьмя русскими городами, расположенными у Финского залива, было совсем не в интересах Швеции, т. к. на эти города претендовал сам шведский король. Власти Новгорода также не могли быть довольны тем, что Лжедмитрий захватывает малые города Ижорской земли, принадлежавшие Новгороду. Не случайно, новгородские власти еще весной 1611 г. пытались направить против нового самозванца шведские войска Я. Делагарди. Таким образом, еще до захвата Новгорода шведами начал складываться союз между Я. Делагарди и новгородцами на базе общей борьбы против поляков и Лжедмитрия III.

После ухода Ходкевича с войском от Печор (май 1611 г.), когда все силы шведов стягивались у Новгорода, Лжедмитрий решил, что ему никто не помешает овладеть Псковом. По словам П. Петрея, уже 24 июня 1611 г. вор вышел из Ивангорода с войском по направлению к Пскову *«с намерением привести тамошних жителей в покорность себе, с помощью нескольких пушек, которые с ним были»* [9, с. 299]. Значительная часть гарнизона Ивангорода отправилась в поход вместе с самозванцем. Этим можно объяснить, что никаких крупных столкновений между осадившими Псков войсками Лжедмитрия и псковичами не зафиксировано (угон стада и кратковременные обстрелы не в счет). Ивангородцы не хотели воевать со своим старшим братом Псковом. В основном, возле Пскова велись переговоры между жителями и самозванцем, которые продолжались до тех пор, пока к городу не подошло шведско-новгородское войско.

Продвижение Лжедмитрия III к Пскову не укрылось от внимания Я. Делагарди. Вначале у шведского военачальника созрел план захвата Ивангорода, в котором оставалось мало войск и не было самозванца, ушедшего к Пскову. Однако после захвата Новгорода, который обошелся шведам без больших потерь, а также после заключения договора с новгородцами, планы шведского военачальника были скорректированы. Теперь шведская армия приобрела новых союзников, запасы продовольствия и вооружения и вполне могла не только разгромить Лжедмитрия, стоявшего у Пскова, но и одновременно захватить сам Псков. Шведский военачальник стремился занять этот важный стратегиче-

ский пункт, под защитой которого находились несколько городов.

Я. Делагарди отправил из захваченного Новгорода к Пскову Эверта Горна и Ганса Бойе с их финским полком, а также Самуила Коброна с его полком. Я. Делагарди сообщил об этом решении королю в донесении 28 августа 1611 г. Текст этого донесения привел Г.А. Замятин в своей работе о борьбе Пскова со шведами. В данном донесении Карлу IX Я. Делагарди высказывал надежду, что таким путем можно будет принудить псковичей к соединению с королем и Новгородским государством. Если же псковичи признают власть нового новгородского правительства, то их примеру последуют жители Ивангорода, Яма, Копорья и Гдова, другими словами, все население городов, признавших власть Лжедмитрия III. Делагарди надеялся, таким образом, добиться не только овладения Псковом, но и ликвидации всего дела Лжедмитрия III [3, с. 269-272].

С другой стороны, Я. Делагарди опасался усиления Лжедмитрия в случае, если ему удастся захватить Псков и объединить силы всех городов для борьбы со шведами, положение которых было еще недостаточно прочным. Это хорошо заметно из русских источников. В Псковской летописи точно указаны причины выступления шведов против Лжедмитрия. *«Слышавше же немцы в Великом Новгороде явившагося вора, подо Псковом стояша, убоаяся да некогда вселится во Псков и их пришед изгонит вон из Новгорода; и послаша на него несколько яти его»* [12, с. 72].

Накануне прибытия к Пскову шведско-новгородского войска самозванец отступил в Гдов. Возможно, именно в это время *«приехали воеводы во Псков Микита Хвостов и Михайло Милославской, духовник его и наставник»*, о чем упоминается в Псковской летописи. Не исключено, что они находились в войске Лжедмитрия и даже участвовали в переговорах с псковичами. Никита Хвостов, помещик Ярвосольского погоста Водской пятины, был воеводой Лжедмитрия, его «усаднице», как «изменника», получили от новгородского правительства Иван Савин и Елизарий Пушин. Михаил Милославский, который служил в Ивангороде дяком, вполне мог сопровождать самозванца. Эти люди, прибывшие из Ивангорода в Псков, укрепили пози-

ции сторонников Лжедмитрия [13, с. 228; 28, с. 71].

Сам же Лжедмитрий недолго оставался в Гдове. На следующий день после прибытия к Гдову шведско-новгородского войска (это произошло в начале октября 1611 г. после неудачной для шведов осады Пскова) самозванцу пришлось с частью войска бежать к Ивангороду. На пути их стала преследовать шведская кавалерия. Сопровождавшие Лжедмитрия лица были рассеяны на реке Плюсса, сам он с трудом достиг Ивангорода. По словам Видекинда, *«настигнув близ Плюссы, Горн их разгромил чуть ли не до полного уничтожения, а их предводитель едва успел спастись в Ивангородский замок»*. Летописец также рассказывал об этих событиях: *«...догнаша его Немцы на Плюсе реки, токмо успе он един с некими преехати, и многих посекоша ту»* [11, с. 211; 12, с. 72; 16, с. 354].

Около двух месяцев, до начала декабря 1611 г., Сидорка залечивал раны в Ивангороде. К этому времени в Пскове уже произошел переворот, к власти пришли сторонники самозванца, а в начале декабря он сам со своим двором прибыл в Псков. Жители Ивангорода, Яма и Копорья зимой и весной 1612 г. продолжали поддерживать самозванца, из Пскова в эти города отправлялось продовольствие и другая помощь. Так что о конфликте между сторонниками самозванца и жителями городов Ижорской земли говорить не приходится. У них был в это время общий враг – шведы и новгородцы, а союзником – ближайший к Копорью Орешек, жители которого всю зиму и весну 1612 г. упорно не признавали новое правительство в Новгороде и шведского принца, а также Подмосковное ополчение, участники которого в марте 1612 г. присягнули этому самозванцу. Некоторые станицы казаков из этого ополчения укрепили гарнизоны Ивангорода, Яма и Копорья.

Хотя, конечно, были и недовольные люди правлением самозванца, которых мы видим в Яме, Копорье и Ивангороде. Даже узнав, что новгородцы и шведы теперь стали союзниками, некоторые служилые люди все равно стали переходить на сторону шведско-новгородского правительства. Осенью 1611 г. из Ивангорода пришел ивангородский пушкар Олешка Филатов, который в своей челобитной просил боярина короля Карла IX

Якоба Делагарди выдать ему выходное пособие. 28 ноября 1611 г. было принято решение дать ему полтину. Ранее об этом же просили три стрельца, выходцы из города Яма «Мишка Иванов Воложанин с товарищи». Они получили «корм на две недели и на четыре дни», по 4 деньги человеку на день [29].

Некий ивангородец торговец Якушка уже летом 1611 г. оказался в Новгороде. Известно, что он торговал хмелем. В своей челобитной он просил выдать ему деньги за хмель, который был взят у него «в прошлом 119 и в нынешнем 120 годах», следовательно, еще до сентября 1611 г. он находился в Новгороде. До этого времени у него было взято 4 пуда хмеля «на обиход Якову Пунтовичу», а потом, судя по его челобитной – еще 10 пудов [30]. Скорее всего, он обслуживал местный кабак.

Положение Я. Делагарди в Новгородской земле постепенно укреплялось, несмотря на обострение международной обстановки для Швеции. Трудная Кальмарская война с Данией потребовала от Швеции крайнего напряжения всех сил. Делагарди не мог надеяться на новые пополнения армии и присылку вооружения, припасов, на финансирование из шведского бюджета (армия и ранее была в основном на «самоокупаемости»).

В это время умер шведский король Карл IX. Новому королю Густаву Адольфу, которому не было и 20 лет, еще предстояло стать великим полководцем, реформатором и крупным государственным деятелем.

Фактически Делагарди спасли сами новгородцы. Они обеспечивали шведскую армию всем необходимым, новгородские служилые люди участвовали совместно со шведами в боевых действиях против Лжедмитрия III, способствовали присоединению к шведско-новгородскому альянсу Копорья, Яма и Ивангорода. Участие новгородцев в захвате данных крепостей и подробности этих событий лета-осени 1612 г. – сюжет отдельного рассказа. В декабре 1612 г. в Новгородской земле установился хрупкий мир.

Ополченцы Трубецкого и Пожарского, занятые освобождением Москвы и выборами нового царя, не обратили особого внимания на события на Северо-Западе. В результате шведского наступления 1611–1612 гг. власть нового правительства Делагарди-Одоевского была установлена на обширной территории

Северо-Запада: от пригородов Пскова до Занежья.

1. Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 14 Первая половина. Спб., 1910. С. 97-98.
2. *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях. Спб., 1894. Т. 2.
3. *Замятин Г.А.* Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в.: падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г.М. Коваленко. Спб., 2008.
4. *Форстен Г.В.* Россия и Швеция в Смутное время // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1889. Вып. 2.
5. *Назаров В.Д.* Польская и шведская интервенция начала XVII в. // СИЭ. Т. 11. М., 1968.
6. *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005.
7. Договор Новгородского государства с шведским военачальником Делагарди / пер. с нем. М.Ф. Ласковской // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911. Вып. 5. № 1.
8. *Шаум М.* Tragoedia Demetrio – moscovitica. Известие, как и по каким причинам Шведский военачальник, Яков Делагарди, осадил и завоевал Новгород в России. (Случилось 16 июля 1611 года) // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К.М. Оболенским. М., 1847. С. 17-18.
9. *Петрей П.* История о великом княжестве Московском, о происхождении великих князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Эрлезунда в Лейпциге в 1620 г. / пер. А.Н. Шемякина. М., 1867.
10. Донесения нидерландских посланников о посольстве в 1615–1616 гг. в Швецию и Россию // Сб. РИО. Спб., 1878. Т. 24. С. 222-223.
11. *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова; под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000.
12. О смятении и междоусобии и отступлении Псковичей от Московского государства... // ПСРЛ. Спб., 1851. Т. 5.
13. Псковские летописи. М., 1837.
14. *Буссов К.* Московская хроника: 1584–1613. Москва; Ленинград, 1961.
15. Донесение боярина И.М. Салтыкова к королю Сигизмунду от 17.11.1610 // Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. Спб., 1819. № 209. С. 453-458.
16. *Татищев В.Н.* История Российская: в 7 т. Л., 1966. Т. 6.
17. *Делавиль П.* «Краткое рассуждение». Сочинение Пьера Делавиля де Домбаля // Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 23.
18. *Кордт В.А.* Из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1894. Т. 2.
19. Расспросные речи двух плененных немцев в Новгороде о намерениях шведского короля и действиях Делагарди. 1611, апреля 19 // ААЭ. Спб., 1836. Т. 2 (1598–1613). № 186. С. 316-317.
20. Договор Новгорода со шведским полководцем Делагарди. 1611 // ААЭ. Спб., 1836. Т. 2. № 187. С. 317-318.
21. Отписка князя Дмитрия Пожарского Новгородскому митрополиту Исидору. 1612, июля 26 // ДАИ. Т. 1. № 164.
22. Грамота князя Пожарского из Ярославля к Вычегодцам. 1612, апреля 7 // ААЭ. Т. 2. № 203. С. 253-257.
23. Дело о спорном поместье Д.И. Чортова. 1611. 6.08 – 1612. 14.07 // RA, NOA. Serie 2: 193-A. Л. 1-33.
24. *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. Спб., 2008.
25. Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 // RA, NOA. Serie 1: 16. С. 29-32.
26. *Каштанов С.М.* Две жалованные грамоты 1510 г. Псковским монастырям / публ. С.М. Каштанова и А.Н. Робинсона // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 24. 1961. С. 247-249.
27. Отписка новгородцев... 1611, март // ААЭ. Т. 2. № 183.
28. *Замятин Г.А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII в. // НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 1. Д. 3. Л. 37-39.
29. Дело по челобитной ивангородского пушкаря Олешки Филатова о даче ему выходного пособия // RA, NOA. Serie 2: 71. Л. 25-26.
30. Дело по челобитной ивангородца Якушка о даче денег за хмель, взятый на обиход Якова Делагарди // RA, NOA. Serie 2: 71. Л. 29, 32.

Поступила в редакцию 14.08.2013 г.

UDC 314:930

IVANGOROD, YAM AND KOPORIE IN TIMES OF TROUBLES (SUMMER 1610 – SPRING 1612S)

Yakov Nikolayevich RABINOVICH, Saratov State University named after N.G. Chernishevsky, Saratov. Russian Federation, Candidate of History, Document Keeper of Russian History Department, RabinovichYN@yandex.ru

The article describes the events that took place in the cities of Ivangorod, Yam and Koporie for two years, since the summer of 1610, when the Swedes became from allies of the Moscow government in its enemies and began to capture Novgorod land. In the future the Swedes and their Novgorod allies, who swore allegiance to the Swedish king's son, conquered Ivangorod, Yam and Koporie. These cities together with Pskov earlier (in 1611) recognized the authority of the impostor Lzhedmitriy III. These events have already taken place in 1612.

Key words: small towns; Delagardie; Novgorod land; Lyapunov; treaty of alliance; Swedish king's son; Pozharskiy.